

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'367.625.43

Балута А.А.

Московский государственный областной университет

ПРЕДИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРИЧАСТИЯ НА –Л В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И СЕМИТСКИХ ЯЗЫКОВ

A. Baluta

Moscow State Regional University

PREDICATIVE FUNCTION PARTICIPLE-L IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF INDO-EUROPEAN AND SEMITIC LANGUAGES

Аннотация. В данной статье освещается история происхождения старославянского причастия на –л, которое в современном русском языке выполняет функции прошедшего времени глагола. Проводится сопоставление с историей развития аналогичных глагольных форм в индоевропейских и семитских языках, а также в шумерском языке. Наличие подобных глагольных форм предполагает существование некоего предикативного субстрата, который мог употребляться в древнейшем состоянии различных индоевропейских и семитских языков и со временем развивал у себя и глагольные, и именные функции.

Ключевые слова: причастие, прошедшее время, предикативный субстрат.

Abstract. This article highlights the history of the origin of Old Church participle-l, which in the modern Russian language functions as the past tense of the verb. It contains a comparison with the history of the development of similar verb forms in the Indo-European and Semitic languages, as well as in the Sumerian language. The presence of such verbal forms presupposes the existence of a certain predicative substrate, which could be used in the ancient status of various Indo-European and Semitic languages and over time develop in themselves both verbal nominal functions.

Key words: participle, past tense, predicative substrate.

История форм прошедшего времени глагола в русском языке показывает, что они ведут своё происхождение от аналитической формы перфекта. Старославянский перфект представлял собой сочетание настоящего времени глагола *быти* с причастием на –л. Это причастие, в отличие от иных причастных форм, обладало категориями лица и числа, но не склонялось [2, 184]. В древнерусском языке вспомогательный глагол при употреблении форм перфекта постепенно начал опускаться и, наконец, совсем вышел из употребления, сконцентрировав персональность предложения только в подлежащем. «Уже в надписи 1068 г. на Тмутороканском камне наблюдается отсутствие связки в 3-м л. ед. ч.» [10, 243]. По мнению Т.П. Ломте-

ва, утрата глагола-связки началась с третьего лица, и потом это явление распространилось на первое и второе лицо. Перфект без *быти* при третьем лице субъекта уже широко употреблялся в XIII в., первое и второе лицо вспомогательного глагола встречалось в данной форме вплоть до XVI-XVII вв., «по крайней мере, в литературной речи» [6, 45].

Утрату форм вспомогательного глагола в прошедшем времени можно объяснить отчасти избыточностью указаний на лицо: в сложных глагольных формах эту функцию выполняют и подлежащее, и вспомогательный глагол. Однако можно предположить, что причастие на -л (или аналогичная ему форма) в дописьменную эпоху славянских языков уже функционировало в качестве простого глагольного сказуемого для выражения простых форм прошедшего времени без вспомогательного глагола. Иными словами, единая синтетическая форма прошедшего времени действительного залога, которая существует в современном русском языке, или нечто на неё похожее, могла предшествовать появлению аналитических форм, во всяком случае, в устной речи. В подтверждение данной гипотезы мы можем предложить сопоставительный анализ различных форм прошедшего времени в древних индоевропейских и семитских языках, что также поможет отчасти определить причины исторических изменений прошедшего времени в русском языке.

А. Мейе считает, что причастие на -л образовывалось параллельно действительному причастию прошедшего времени. Однако оно не являлось «старым причастием в собственном смысле слова, подобным причастию перфекта, которое развивается в славянское причастие прошедшего времени» [7, 211]. Славянское причастие на -л было предикативным. Подобный тип глагольного имени в какой-то мере был распространён по всей индоевропейской области, но редко преобразовывался в настоящие причастия. Причастия на -л встречаются в армянском языке, в тохарском «кучийском» [8, 97]¹. Одна-

¹ При этом среди исследователей тохарского нет однозначного мнения о классификации глагольного имени

ко за пределами этих языков употребляются лишь отдельные существительные и прилагательные на -л, не образующие особых категорий. В общеславянском языке эти причастия, по мнению А. Мейе, использовались для образования сложных глагольных форм и в изолированном положении почти не употреблялись, «хотя следы этого и сохранились в производных типа *пришьльць* «*rároikos, parepídēmos, parisē lutos*». В историческую эпоху оно встречается уже крайне редко» [7, 211]. Таким образом, можно предположить, что данный тип причастия в славянских языках более глубокого исторического пласта встречался вне состава сложных глагольных форм, а закрепился в этих формах только с появлением старославянских (переводных с греческого) письменных памятников.

Как мы отметили выше, причастие на -л в старославянском языке представляло собой уникальную несклоняемую форму, употребляемую в большинстве случаев только для образования сложных глагольных времён. Есть предположение, что эта глагольная форма ранее выступала в качестве имени деятеля [6, 209]. П.Я. Черных полагает, что это причастие прежде являлось чем-то «вроде отглагольного прилагательного от спрягаемого глагола» [10, 241]. «Возможно, что в языке фольклора в таких случаях, как «*пролегла* лежит широкая дороженька» (как бы: «пролегая» лежит), ещё сохраняется память об употреблении этих форм в функции *определения*» [10, 241]. Таким образом, некоторые исследователи истории русского языка относят причастие на -л к глагольным именам и выделяют его прежде употребление в именной функции, ещё до того, как эта форма стала употребляться преимущественно в составе сказуемого. Далее следует установить, как данная форма могла быть использована в дописьменную эпоху в именных конструкциях.

В шумерском языке (который представляет агглютинативный тип и, вместе с тем,

на -l-. Так, например, В. Краузе [8, 68] и И.А. Мельчук [8, 193] называют данную форму *герундивом*, основываясь на присущей ей семантике долженствования, в то время как Э. Бенвенист [8, 97] называет её *причастием*.

наиболее древнее языковое состояние) употреблялась уникальная форма глагольного имени, которая являла собой ещё не определённое глагольное имя (причастие, инфинитив, герундий, отглагольное прилагательное), которое стояло на грани между именем и глаголом и могло выполнять функцию сказуемого в именном предложении. Например, фразу *lí du-du-zi* можно переводить и именным, и глагольным вариантом: «человек, знающий бродяжничество»/ «человек хождение-хождение знать» [4, 180]. И.Т. Канева называет подобные имена *неличными формами глагола*, в состав которых входил чистый глагольный корень или корень с суффиксом *-a-* [4, 179]. Уникальность этих форм заключалась в том, что древний глагольный корень одновременно сочетал в себе свойства имени существительного и глагола [4, 179]. Вероятно, такое именное образование можно считать за некий *предикативный субстрат*, который мог существовать в древнейшем состоянии различных индоевропейских и семитских языков и со временем развивал у себя и глагольные, и именные функции. Однако превалирование тех или иных функций в данном образовании приводило к тому, что в языках разных направлений это глагольное имя употреблялось либо в составе сложных временных форм с глаголом-связкой, либо самостоятельно выступало в качестве сказуемого в именных конструкциях.

В **санскрите** широко были распространены именные предложения, где сказуемое представляет собой аористное причастие с суффиксом *-kta/ -ktavatu*, одна из самых древних временных форм данного языка: «*sa brāhmaṇaḥ cha gam skandhe grham prasthitaḥ*» («Тот брахман, козла на плечо сделав, домой отправился»); «*dhūrttāsa cha gam grhītvā tasya ma m sam khāditavantāḥ*» («Плуты же, козла схватив, его мяса съели») [11, 2, 204]. Такие конструкции вместо привычных глагольных предложений доминировали в наиболее древних текстах гимнов и пословиц. При этом причастие на *-kta/-ktavatu* было склоняемой формой и согласовывалось с подлежащим в роде, числе и падеже.

Возможность употребления особой причастной (или иной именной) формы вместо спрягаемой глагольной в качестве сказуемого мы предлагаем считать признаком *восточного* направления развития языка. Отсутствие в языке такой возможности в силу каких-либо причин, соответственно, следует называть особенностью *западного* направления. Далее проверим наличие/отсутствие данной возможности в некоторых других индоевропейских и семитских языках.

В **древнегреческом** языке причастия, как правило, не выступали в функции сказуемого вместо спрягаемых глагольных форм, и именными признаками в них доминировали. В качестве исключения из этого правила можно представить лишь употребление причастий в полупредикативных оборотах *Nominativus/Accusativus cum participio* (именительный и винительный падеж с причастием). Причастие занимало здесь место логического сказуемого и согласовывалось с логическим подлежащим в роде, числе и падеже: «*Kuros epistrateúōn aggélletai*» (сообщается, что «Кир идёт войной» / «об идущем войной Кире») [5, 35]. Однако такие конструкции не имеют полного соответствия с тем вариантом употребления причастий, о котором мы говорили выше касательно русского языка и санскрита, так как полупредикативные причастные обороты *Nominativus/Accusativus cum participio* не являлись самостоятельными предложениями, а находились в зависимости от глаголов со значением «речи и мысли» и представляли собой, по сути, лишь развёрнутое дополнение или подлежащее. Кроме того, среди обилия всех причастных форм древнегреческого языка не существовало особой несклоняемой формы, в которой могли бы превалировать глагольные функции, и которая могла бы со временем заменить собой глагол. Это одна из причин, почему развитие временной системы греческого языка шло отлично от русской. Таким образом, по данному признаку греческий язык можно характеризовать как *западный* тип.

В том же древнегреческом языке можно встретить и предикативное употребление

некоторых форм причастий вместо спрягаемого глагола. К этому типу можно отнести несколько Македонских надписей, где причастная форма встречается в независимом предложении, а спрягаемый глагол отсутствует. При наличии глагольного сказуемого такие причастия можно переводить деепричастиями, однако, если глагола нет, мы считаем возможным переводить причастие глаголом: «*hupēisdexámenos dé kai tò poleíteuma tòn gunaikón en tois Heraíois...*» (*принявший/приняв/принял же и сообщество женщин на празднованиях Геры*); «*tò Héraion polutelò kalésas tò poleíteuma tòn gunaikón, dús dé hekaste metà tòn loipōn ex éthus anà dénariús a ...*» («от организаторов на праздник Геры *пригласивший/пригласив/пригласил* сообщество женщин, *давший/дав/дал* же каждой из остальных (которых одаривали) согласно обычаю по одному динарию...») [12].

Таким образом, можно предположить, что в древнегреческом языке также мог существовать тип именного предложения с аористным причастием в качестве сказуемого (хотя такие конструкции, скорее, были исключением из правила), но этот тип при наличии развёрнутой системы времён и наклонений со временем был вытеснен глагольным.

Учитывая особенность греческого влияния при переводе первых письменных памятников на старославянский язык, можно высказать несколько предположений, почему в старославянском языке причастие на –л зафиксировано только в несклоняемой форме. Во-первых, ранее это причастие могло склоняться, как в санскрите, но со временем утратило склонение, развивая глагольные функции. Во-вторых, несклоняемость причастия может указывать на следы агглютинативного строя в праславянском языке, когда к глагольному корню присоединялся формант –л, указывающий на прошедшее время. Со временем добавились флексии – показатели числа и рода. Сочетание двух функций в одном формообразовательном аффиксе, характерное для флективных языков, встречалось и в шумерском, например, в спрягаемых глагольных формах [4, 27]. В-третьих, особенность

наличия у причастия-глагола показателей рода и числа при отсутствии склонения можно соотнести с глагольными особенностями некоторых семитских языков, например, иврита. Однако в данном случае стоит ограничиться лишь предположениями, так как о морфологическом состоянии дописьменной формы славянских языков известно не много.

В латинском языке, который представляет собой образец западного типа, не была реализована возможность употребления особой причастной формы, вместо спрягаемой глагольной, в качестве сказуемого. Это произошло потому, что древний предикативный субстрат оказался более сконцентрирован в форме инфинитива. Доказательством тому служит наличие в языке лишь полупредикативных инфинитивных оборотов *Accusativus/Nominativus cum infinitivo*. Причастные обороты, подобные греческим, скорее всего, не могли образоваться здесь потому, что в латыни существовало лишь две причастных формы, тогда как система инфинитивов представлена шестью формами. Причастия, так же, как и в старославянском и в греческом, употреблялись для образования сложных глагольных форм системы перфекта страдательного залога, однако латинский перфект сочетал в себе также значение аориста. В процессе исторических изменений перфективное причастие не утратило глагольную связку, а лишь укрепило именные позиции, преобразовав аналитические формы сказуемых в составные именные [9, 291]. Похожее явление мы наблюдаем и в современных западных языках.

В семитских языках издавна система глагольных времён не представляла собой привычную для индоевропейских развитую структуру на базе трёх основных форм: настоящего, прошедшего, будущего. «Глаголу во множестве семитохамитских языков не присуща категория времени» [1, 429]. Начиная с египетского языка, временная соотносённость ограничивалась, в основном, понятием завершенности/незавершенности действия. Имя и глагол представляли собой две

обширные категории слов, между которыми существовало глубокое морфологическое различие. Однако при этом категории имени и глагола обнаруживают глубокое взаимное проникновение, и часто можно установить во многих случаях происхождение глагольных форм из именных основ и, наоборот, многих имён – из глагольных основ [3, 180].

В семитских языках было две спрягаемые глагольные формы, которыми обозначается отношение к завершённости/незавершённости действия. В настоящее время эти формы также имеют отношение к обозначению времени. «Форма имперфекта, как обозначающая действие незавершённое, обычно употребляется для настоящего и будущего времени. На более поздних этапах, которые отражены в литературных памятниках, происходит грамматический сдвиг, и вырабатываются формы для времён в собственном смысле. Так, в иврите более позднего (послебиблейского) периода форма имперфекта закрепила за обозначением *будущего* времени, а для *настоящего* времени стала употребляться новая форма, образованная из местоимения и причастия, например: *anī hōlēk* «я иду», *attā hōlēk* «ты идёшь», *hū hōlēk* «он идёт», *anahnū hōl(e)kīm* «мы идём» и т. д.» [3, 190]. Следовательно, причастие настоящего времени в сочетании с именем или местоимением представляют собой форму именного предложения, где причастие, аналогично русскому причастию на –л, выполняет функцию сказуемого. По мнению Б.М. Гранде, «в библейских текстах такие сочетания встречаются для обозначения действия в настоящем, иногда незаконченного действия в прошлом; в более позднее время, а также в современном литературном языке эти сочетания являются грамматической формой настоящего времени глагола, в то время как старый имперфект обозначает будущее время, а перфект – прошедшее время, независимо от завершённости или незавершённости действия» [3, 190].

Таким образом, можно заключить, что в некоторых семитских языках причастная форма, употребляемая для обозначения на-

стоящего времени вместо спрягаемой глагольной формы, в ходе исторического развития заняла промежуточное состояние между действием завершённым или незавершённым. Эту форму отчасти можно сопоставить с употреблением причастия прошедшего времени в индоевропейских языках, однако настоящее время данной формы является ментальной особенностью именно семитских языков. Главным же различием между семитским причастием настоящего времени и индоевропейским причастием прошедшего времени на –л, по нашему мнению, можно считать то, что первое, слившись уже в арамейском языке с местоимением (которое потом превратилось в суффикс), преобразовалось в спрягаемую форму настоящего времени, а второе сохранилось в самостоятельном употреблении после распада сложных глагольных форм. Хотя, как мы предполагали вначале, причастие на –л в дописьменную эпоху уже могло быть в употреблении как сказуемое и без глагола-связки.

Включение причастия на –л в состав сложных глагольных форм, что мы видим в первых письменных памятниках на старославянском языке, отчасти можно объяснить южнославянским влиянием, когда славянская грамматическая система несколько «подстраивалась» под греческую. Таким же образом объясняется возникновение в старославянском и церковнославянском языках несвойственных им полупредикативных инфинитивных оборотов, которые также впоследствии были утрачены. П.Я. Черных утверждает, что некоторые (южнославянские) языки «до сих пор сохраняют (с незначительными изменениями) ту систему прошедших времён, которая некогда была общей для всех славянских языков. Так, например, в сербском языке имеется аорист, и имперфект, и перфект, и плюсквамперфект обоих видов, и прошедшее время условного наклонения. Впрочем, и в сербском языке, даже в литературном, формы аориста и особенно имперфекта вытесняются формами прошедшего сложного. То же явление наблюдается и в болгарском языке» [10, 247].

В различии исторического развития временных форм глагола, на наш взгляд, можно заметить характерные черты *западного* и *восточного* индоевропейских направлений: те славянские языки, где преобладают сложные формы прошедшего времени, равно как и латынь, и греческий, в данной области тяготеют к западному направлению развития, а языки, где причастие может в простом предложении выполнять функции сказуемого без глагола-связки (санскрит, русский) – принадлежат к восточному направлению. Само же восточное направление индоевропейской языковой семьи в области употребления причастия-сказуемого имеет некоторую аналогию с семитскими языками.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока. (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). СПб., 1998. 544 с.
2. Войлова К.А. Старославянский язык. Пособие для вузов. М., 2003. 368 с.
3. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1998. 439 с.
4. Канева И.Т. Шумерский язык. 2-е изд. доп. и перераб. СПб., 2006. 240 с.
5. Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. Изд. 3-е. М., 1998. 336 с.
6. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. 596 с.
7. Мейе А. Общеславянский язык. М., 2000. 500 с.
8. Тохарские языки. Сборник статей. Под ред. и со вступит. статьёй В.В. Иванова. М., 1959. 215 с.
9. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Изд. 2-е, доп. М., 2001. 576 с.
10. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954. 336 с.
11. Шкатулка санскрита. Часть вторая. Русское издание, испр. и доп. М., 2004. 200 с.
12. Inscriptions by Region [Электронный источник]. URL: <http://epigraphy.packhum.org/inscriptions/main?url=allregions>